

DOI: <https://doi.org/10.60797/mca.2025.64.1>

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА: ОТ ДРЕВНОСТИ ДО СОВРЕМЕННЫХ ФОРМ

Научная статья

Кузьмин А.А.^{1,*}

¹ Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (macgraw51rus[at]gmail.com)

Аннотация

В статье рассматривается развитие мемориальных пространств, начиная с первоформ античных времен до инклюзивных форм начала XXI века. Особое внимание уделяется изменению как функциональной, так и визуальной составляющей мемориалов, наблюдаемых на примере США, Европы и России. В рамках исследования автором выявлены основные типы мемориальных форм, а также уточнено содержание понятия «мемориальное пространство». Исследование подчеркивает важность таких территорий, как инструмента формирования коллективной памяти. Мемориалы не только являются подтверждением исторических событий, но и создают новые смыслы в контексте современного общества, которые позволяют отслеживать социальные динамики в стране.

Ключевые слова: мемориальное пространство, памятник, мемориальный комплекс, городская идентичность, коллективная память.

MEMORIAL SPACES: FROM ANTIQUITY TO MODERN FORMS

Research article

Kuzmin A.A.^{1,*}

¹ Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (macgraw51rus[at]gmail.com)

Abstract

The article examines the development of memorial spaces, starting with the primordial forms of ancient times to the inclusive ones of the early XXI century. Particular attention is paid to changes in both the functional and visual components of memorials, as observed in the United States, Europe, and Russia. As part of the research, the author identifies the main types of memorial forms and clarifies the meaning of the concept of "memorial space". The study emphasises the importance of such territories as instruments for the shaping of collective memory. Memorials not only confirm historical events, but also create new meanings in the context of contemporary society, which make it possible to track social dynamics in the country.

Keywords: memorial space, monument, memorial complex, urban identity, collective memory.

Введение

Мемориальные пространства формируют особый городской каркас, в котором переплетается историческая память, художественная репрезентация и повседневные практики горожан. Актуальность особенно заметна в условиях сегодняшней ускоренной урбанизации.

Цель настоящего исследования — проследить эволюцию мемориальных пространств от античности до начала XXI века и выявить механизмы их адаптации к социальным, технологическим и эстетическим изменениям в сравнительном контексте Европы, США и России.

Для достижения этой цели необходимо решить задачи: уточнить понятийное поле «мемориального пространства», рассмотреть типологию и историю возникновения основных форм (обелиск, триумфальная арка, памятник, и т. д.), выявить ключевые этапы трансформации функций и визуальных форм, проанализировать современные проблемы интеграции мемориалов в динамичную городскую среду.

Методы и принципы исследования

Исследование опирается на такие методы, как: сравнительно-исторический анализ, синтез, типологическое сопоставление, а также междисциплинарную связку архитектурной истории с культурной антропологией.

Предметом исследования выступают архитектурно-пространственные формы мемориалов как носители коллективной памяти и средства конструирования городской идентичности.

Объектом исследования является историческая динамика мемориальных форм в мировой практике.

Современная исследовательская литература отражает многомерность проблемы: от классических работ М. Хальбвакса о коллективной памяти и П. Нора о «местах памяти» до новейших исследований урбанистики и digital heritage (Ashworth, 2019; Macdonald & Svašek, 2021). Российский корпус дополняют труды Е. М. Живова, Л. В. Сидорова, А. В. Кириченко, подчёркивающие специфический характер постсоветского мемориального ландшафта.

Эволюция мемориального пространства в античности и Средневековье

В античном Средиземноморье практика увековечения памяти изначально развивалась в пространстве полиса, где гражданский статус закреплялся через публичные ритуалы и материальные знаки. Афинская традиция торжественного

погребения воинов-ополченцев на керамикосском кладбище и последующая надгробная речь, подобная знаменитому эпитафию Перикла, превращали кладбище в сцену коллективного самоопределения [1, С. 486–521].

Параллельно формировались типы вертикальных памятников, прообразом которых стали египетские текхену IV династии (ок. 2600 г. до н. э.) (рис. 1); монолитная, направленная к небу форма обелиска оказалась настолько выразительной, что римляне охотно встраивали перемещённые архаические столпы в собственные форумы, наделяя их новой политической семантикой победы и императорского величия [2].

Рисунок 1 - Обелиск Сесостриса I
DOI: <https://doi.org/10.60797/mca.2025.64.1.1>

Примечание: источник - commons.wikimedia.org

Рим ввёл ещё один ключевой формат — триумфальную арку, сначала деревянную, затем каменную: от утраченного *fori Fabianus* 121 г. до н. э. до мраморного аркадного портала Тита (рис. 2), возведённого в 81 г. н. э. и включённого в процессуальную ось *Via Sacra*, чтобы навечно фиксировать государственный нарратив об Иудейской войне.

Рисунок 2 - Триумфальная арка Тита на древней Священной дороге
DOI: <https://doi.org/10.60797/mca.2025.64.1.2>

Примечание: источник - commons.wikimedia.org

Такие объекты не существовали изолированно; их размещали в точках пересечения торговых, судебных и рекреационных потоков, что формировало городской «ландшафт памяти». В афинской агоре статуарные ряды стояли вперемежку с колоннами, а в Риме форумная композиция сочетала курию, базилики и арки в едином визуально-идеологическом сценарии. Через этот синтез архитектура задавала схемы перемещения граждан и навязывала ожидаемую модель поведения: прохождение под аркой трансформировалось в перформативный акт участия в памяти о победе, а взгляд на обелиск сообщал невербальное послание о стабильности власти.

В позднесредневековой Европе память о военных успехах и гражданских свободах всё чаще переносилась с рыночных площадей к фортификационным узлам города. Так, кирпично-готическая Хольстентор в Любеке (рис. 3), завершённая около 1478 года, маркировала рубеж городской вольности: девиз «concordia domi, foris pax» над пролётом утверждал гармонию внутри и мир вовне, превращая оборонительную бранию в монумент гражданского самосознания [3]. Также Оборонительные ворота становились не просто точкой контроля, а «эпиграфом» к городской истории, куда вписывались имена правителей и даты побед.

Рисунок 3 - Хольстенстор - средневековые городские ворота в Любеке
DOI: <https://doi.org/10.60797/mca.2025.64.1.3>

Примечание: источник - commons.wikimedia.org

Итальянский Кампосанто в Пизе, заложенный в 1278 году на сакральном «гольфском» грунте, объединил под одну крышей саркофаги консулов и фрески Данни Боначчо, превратив погост в художественный хронотоп, открытый для публичных процессов. На другом полюсе Ойкумены мамлюкский султан Кайтбай в 1470–1474 годах воздвиг в северном некрополе Каира ансамбль мечети-мадраса с мавзолеем, караван-сараем и сабилем: здесь памятование о государе сочеталось с благотворительным обслуживанием караванного пути, задавая модель «живого» мемориального квартала.

До нас дошли и материальные «клады» — реликварии с трофейной землёй, оружием или костями святых, которые закладывали в фундамент культовых строений, закрепляя память через сакрализованные депозиты [4, С. 36–40].

К XVI–XVIII векам сакральная монополия на память стала уступать место светским стратегиям. Гигиенические реформы Наполеона I вывели захоронения за пределы городских стен; открытый в 1804 году парижский Пер-Лашез предлагал пейзажный маршрут среди надгробий знаменитостей, совмещая парк, пантеон и коммерческое кладбище. В немецких вольных городах ворота-символы, утратив военное значение, переоборудовали под музеи и выставки, а реставрация Хольстенстора в 1860-х предвосхитила включение средневековых брам в индустриальный туристический оборот.

Россия до XVIII века была очень религиозным и изолированным от других стран царством. Это нашло свое отражение в виде строительства храмов в память о сражениях и известных личностях. Это надолго вселяло в память будущих поколений причину постройки. Например, храм Василия Блаженного построенный в Москве связан с завоеванием Казани, а рядом стоящий Казанский собор к капитуляции осаждённых в кремле польско-литовских войск. Также к памятникам завоевания Казанского царства, следует отнести новый тип памятников — многочисленные каменные столбы с иконами, установленные вдоль путей, по которым следовала московская рать [5, С. 331–360].

Тенденции мемориальной архитектуры XIX – первой половины XX вв

В Европе XIX века мемориальная архитектура по-прежнему стремилась закрепить в городской панораме идею героического подвига. Парижская Арка де Триумф, заложенная по указу Наполеона в 1806 году и открытая в 1836-м, задумывалась как каменный образ победных бюллетеней Великой армии, а из-за этого стала парадигмой национального монумента, обращённого к будущему через прославление прошлого [6].

Через десять лет после битвы при Ватерлоо бельгийские и оранжские власти возвели Львиный курган (рис. 4) — искусственный холм с бронзовым львом, завершённый к 1826 году на месте ранения принца Вильгельма; эта земляная глыба фиксировала не столько самого героя, сколько саму топографию события, превращая боевое поле в урок европейского баланса сил. По другую сторону Атлантики подобную функцию взял на себя Мемориал Линкольна, торжественно открытый в Вашингтоне в 1922 году: неоклассический храм с гигантской статуей президента-эмансипатора увязывал гражданскую войну с универсалией равенства, а осевая композиция Национальной аллеи делала прогулку посетителя частью государственной риторики свободы.

Рисунок 4 - Мемориал битвы при Ватерлоо
DOI: <https://doi.org/10.60797/mca.2025.64.1.4>

Примечание: источник - commons.wikimedia.org

Мировая катастрофа 1914–1918 годов сместила акцент с триумфа на траур. Лондонский кенотаф (рис. 5), открытый в 1920 году на Уайтхолле, ввёл новый тип пустой гробницы, где индивидуальная героика растворялась в анонимном списке утрат, а ежегодная церемония «Remember the Glorious Dead» предлагала язык скорби вместо языка победы. Французский Тьепвальский мемориал на Сомме (1932) и Верденский Дуомонский оссуарий, официально освящённый 7 августа 1932 года, подхватили эту формулу, материализовав массовую гибель через арку-гиперболу с 73 337 безымянными именами и через стеклянные окна, сквозь которые видны кости 130 000 солдат обеих армий [7, С. 218–264].

Рисунок 5 - Кенотаф на Уайтхолле
DOI: <https://doi.org/10.60797/mca.2025.64.1.5>

Примечание: источник - commons.wikimedia.org

Переход от триумфальной к инклюзивной памяти был характерен и для США: воздвигнутый к 1926 году Либерти-мемориал в Канзас-Сити подчёркивал в речи президента Калвина Кулиджа, что цель сооружения — «не прославить войну, а увековечить результаты, воплощённые в мире и свободе» [8].

Следующим шагом стала интеграция памятника в рекреационный каркас города. Решающее значение имел доклад Сенатской парк-комиссии США 1902 года (план Макмиллана), который переосмыслил Национальную аллею как непрерывную зелёную ось, скреплённую мемориалами на обоих концах; с тех пор храм Линкольна, пруды-зеркала и будущие мемориальные плацы работали как единый «ландшафт гражданской памяти». Европейские столицы переняли эту практику уже после Первой мировой войны, преобразовав окружения кенотафов и оссуариев в парки тихого отдыха, где аллеи тополей и бассейны наталкивали гуляющих на раздумье, не требуя от них торжественного маршрута [9].

В досоветском западном каноне, таким образом, чётко прослеживается трёхступенчатая логика: героический монумент формирует национальную мифологию; мемориал жертв переосмысливает войну через коллективную печаль; наконец, парк-мемориал демократизирует сам процесс памяти, превращая его в жизненный ритуал горожан и туристов.

Эта траектория подготовила почву для дальнейших экспериментальных форм послевоенного и постмодернистского периода, когда абстракция и интерактивность окончательно вытеснили авторитарную статую с пьедестала [10].

В Российской империи утверждение государственной силы проходило через пышную «театрально-триумфальную» среду: на въездах в столичные магистрали возводились арки и обелиски, превращавшие военный успех в непрерывное зрелище. Нарвские ворота в Санкт-Петербурге, впервые собранные из дерева к майскому

встречному параду 1814 года, в 1827–1834-х годах были переложены В. П. Стасовым в кирпич и бронзу, чтобы закрепить память о победе над Наполеоном не как событие, а как постоянное качество империи. В Москве ту же функцию выполняла арка на Тверской Заставе, построенная И. О. Бове в 1829–1834-х годах на месте временной деревянной конструкции 1814 года; она становилась театральным прологом к столице, где проезд через пролёт трактовался как участие горожанина в национальном эпосе 1812-го.

Эти сооружения, ориентированные на зрелищное восприятие и ритуал прохождения, задали канон имперского городского пространства, в котором празднование и повседневность сливались в единую декорацию.

После 1917 года вектор памяти резко повернулся к будущему. Ленинский «План монументальной пропаганды», принятый весной 1918-го, требовал насытить улицы временными гипсовыми монументами революционеров и философов; к 1920 году их насчитывалось свыше полутора сотен, а быстрота монтажа важнее долговечности, потому что главное было «выработать у масс новую визуальную азбуку» [11].

В 1924-м на Красной площади появился деревянный Мавзолей Ленина (рис. 6), заменённый в 1930 году гранитно-лабродоритовым объёмом А. В. Щусева; его ступенчатая композиция совмещает форму шумерской зиккураты с авангардной лаконичностью и одновременно функционировала как трибуна для партийной элиты, превращая выступления в государственный спектакль [12]. К середине 1930-х акцент сместился на достижения в сфере труда: группа «Рабочий и колхозница» Веры Мухиной 1937 года стала символом советского павильона в Париже, а затем была перенесена к входу на московскую выставку достижений народного хозяйства (ВДНХ), открытую в 1939 году как гигантский «парк-каталог» республик и отраслей СССР.

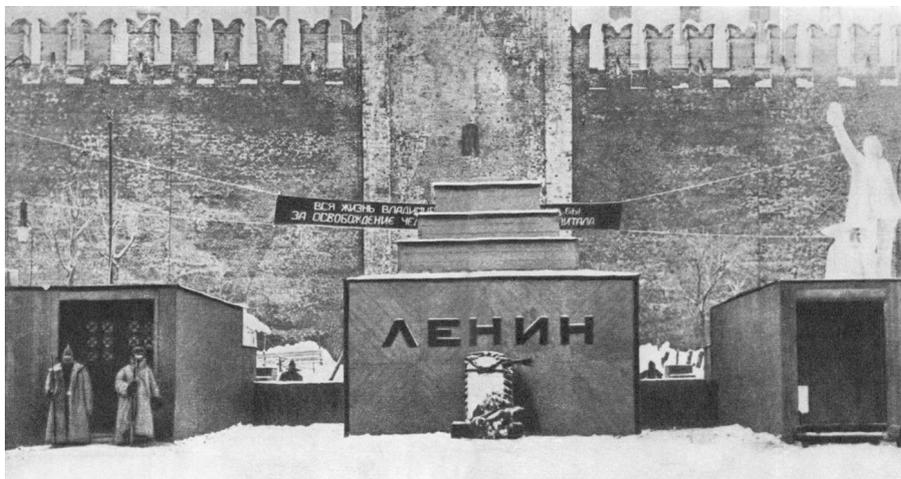

Рисунок 6 - Первый Мавзолей Ленина В.И.
DOI: <https://doi.org/10.60797/mca.2025.64.1.6>

Примечание: источник - tatlin.ru

Монументальная пропаганда 1930-х – начала 1950-х окончательно подчиняет форму идеологии: фронтальные композиции, парные фигурные композиции и величественные стелы настраивают посетителя на коллективное восприятие, где личное сливается в обобщённом образе солдата-труженика или «вождя-мудреца».

Пространство строится по принципу кинематографического кадра: вход через арку-портал, перспективная аллея, доминанта на оси. Скульптура становится не автономным объектом, а узлом многослойного нарратива, соединяющим плакаты, лозунги, массовые праздники.

Мемориальные пространства конца XX – начала XXI века

К концу XX века глобальный дискурс памяти сместился от выразительной фигуративности к аскетичной, часто тактильной абстракции. В берлинском Мемориале убитым евреям Европы (рис. 7), открытом 10 мая 2005 года, 2711 стел разных размеров образуют комбинацию архитектуры и ландшафта, пространственное поле, через которое перемещается посетитель.

Рисунок 7 - Вид из Министергартена на Мемориал памяти убитых евреев Европы
DOI: <https://doi.org/10.60797/mca.2025.64.1.7>

Примечание: источник - commons.wikimedia.org

Пространственная протяженность мемориалов, подобных этому, с повторением элементов, выводит их из традиционной сферы скульптуры в то, что Краусс называет «комплексом», подчеркивая, что они не являются скульптурными формами, рассматриваемыми снаружи, а скорее комбинацией архитектуры и ландшафта, сложным пространственным полем, через которое перемещается посетитель [13, С. 30–44].

Аналогично вашингтонский Мемориал ветеранов Вьетнама (1982) находится ниже уровня земли. На зеркальной чёрной гранитной плите расположено 58 318 имён, однако и посетитель видит еще кое-что, свое отражение, заставляя проецировать своё присутствие с потерянными жизнями — этот эффект возник не в тексте, а в материальном контакте руки и камня. В Канберре Национальный полицейский мемориал, освящённый 29 сентября 2006 года, представляет из себя 1200 бронзовых табличек, на которых указана информация о погибшем, полируются прикосновениями родственников; так память о риске службы буквально обновляется телесным жестом [14].

Нарастает стратегия «невидимых» или рассредоточенных мемориалов, встроенных в повседневный городской ландшафт. Самым масштабным стал проект «Stolpersteine» (рис. 8) художника Гюнтера Демнига: с 1992 года по тротуарам Европы уложено свыше 100 000 латунных «камней преткновения» с именами жертв нацизма, и человек, наклоняясь, чтобы прочитать табличку у собственного порога, попадает в неожиданно персонализированный исторический сценарий [15, С. 233–242].

Рисунок 8 - Stolpersteine для Герты и Александра Адама
DOI: <https://doi.org/10.60797/mca.2025.64.1.8>

Примечание: источник - commons.wikimedia.org

Принцип исчезновения трансформировал и классические монументы: «Памятник против фашизма» Йохена и Эстер Шалев-Герц (Гамбург, 1986) был изначально задуман как свинцовая колонна, которую горожане покрывали надписями, после чего она постепенно опускалась под землю; к 1993 году исчезла последняя видимая секция, оставив пустое пятно, напоминающее, что ответственность за память лежит на обществе.

Эти художественные приемы сопровождаются оживлёнными дебатами о «децентрализации» и «дигитализации» памяти. С одной стороны, вертикальные тотальные монументы уступают сети распределённых «точек памяти» — от квартальных стен скорби до онлайн-книг имен, что размывает привязку к конкретному месту памяти. С другой, цифровые технологии предлагают новые форматы: VR-реконструкции сражений, вроде проекта «Battle of Hamel VR» Австралийского военного мемориала (2018), позволяют пережить событие из разных ракурсов, а AR-приложения к Берлинскому комплексу создают мультисенсорные «воронки» личных историй, активируемые телефоном [16].

Появление таких инструментов переводит спор о том, «как» и «где» помнить, в плоскость программного кода и пользовательских интерфейсов, тем самым окончательно выводя мемориальное пространство за пределы осязаемого камня и закрепляя за ним статус динамичной системы.

Урбанистические вызовы проявляются в стремлении совместить функции рекреации, туризма и интерактивного образования. Например, Московский парк «Зарядье», открытый в сентябре 2017 года на месте снесённой гостиницы «Россия», вписал амфитеатр, медиацентр и «парящий» мост между собором Василия Блаженного и Кремлём, превращая историческое ядро города в гибрид природно-цифрового кластера [17, С. 36–54].

В итоге модель мемориальных пространств начала XXI века балансирует между сохранением монументальной масштабности, разработкой концептуальных художественных решений и интеграцией интерактивных сервисов, которые предлагают пользователю соучастие в актуализации исторического опыта.

Результаты

Были изучены этапы развития и появление разных форм мемориалов от древности до современности. В разных уголках мира наблюдались свои особенности, но в конечном итоге они имели одинаковые цели и первоформы. Однако они так или иначе интерпретируются или используются в неизменной форме в новых проектах мемориальных пространств. Основными выявленными формами являются: обелиск, триумфальная арка, памятник, павильон, здание-мемориал, мемориальный комплекс, кенотаф, музейное поле и их возможные комбинации и интерпретации.

С XVI по XVIII века происходит переход от сакральной монополии на память к светским и инклюзивным стратегиям, что находит отражение в изменении функций кладбищ и мемориалов. Мемориалы становятся частью городской инфраструктуры, влияя на поведение и восприятие пространства жителями. Это указывает на то, что мемориальные пространства начинают выполнять не только ритуальные, но и социальные функции, становясь местами для отдыха и размышлений. Таким образом, мемориалы адаптируются к контексту времени и меняющимся общественным настроениям.

Исходя из всего вышесказанного уточним понятие мемориальное пространство — это комплекс физических и символических объектов, предназначенных для сохранения и выражения коллективной памяти о значимых событиях и личностях. Ключевыми элементами являются мемориальные объекты, такие как (памятник, мемориальная плита,

обелиск, комплекс мемориальных сооружений, музеев, триумфальные арки, ландшафты, кладбища и тд.), которые служат носителями исторической памяти и эмоций, формируя образ и идентичность общества.

Заключение

Сравнительный анализ выявил, что мемориальное пространство эволюционировало от античных триумфальных арок, символизировавших могущество победителей, до постмодернистских ансамблей, сосредоточенных на переживании утрат и индивидуальном осмыслении. Средневековые ворота-памятники и кладбищенские клады преобразовали оборонительные и сакральные территории в общественные места памяти, в то время как индустриальная эпоха утвердила двойственную функцию — рекреационную и просветительскую.

В Европе и США XIX–начала XX вв. доминировал героический монумент, позднее трансформировавшийся в траурный парк-мемориал; в России эта логика дополнилась театрально-триумфальной декорацией Петровско-Николаевского времени и монументальной пропагандой советского периода. Конец XX века обозначил глобальный сдвиг к тактильной абстракции и «невидимым» сетевым мемориалам, интегрированным в повседневный ландшафт, а также открыл цифровой горизонт, где память транслируется через VR- и AR-платформы, как это демонстрируют «Stolpersteine» и берлинский Мемориал Холокоста.

Основная проблема, выявленная в исследовании, заключается в увеличивающемся разрыве между коллективной памятью и процессами городского развития. Расширение коммерческой застройки и событийного туризма ставит под угрозу аутентичность исторических слоёв, в то время как ускоренное потребление медиа снижает глубину осмысления прошлого и приводит к появлению новых форм его интерпретации и выражения.

Таким образом, это исследование подчеркивает значимость мемориальных пространств как средств формирования городской идентичности и коллективной памяти. Они не только сохраняют исторические события, но и помогают создавать новые смыслы в контексте современного общества, что делает их важными для понимания культурного наследия и социальной динамики в условиях урбанизации.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сообщество рецензентов Международного научно-исследовательского журнала
DOI: <https://doi.org/10.60797/mca.2025.64.1.9>

Conflict of Interest

None declared.

Review

International Research Journal Reviewers Community
DOI: <https://doi.org/10.60797/mca.2025.64.1.9>

Список литературы / References

1. Межеричкая С.И. Древнегреческие надгробные речи частным лицам и риторический канон. / С.И. Межеричкая // Индоевропейское языкознание и классическая филология. — 2012. — № 16. — С. 486–521.
2. Halbwachs M. Les cadres sociaux de la mémoire / M. Halbwachs. — Paris: Presses Universitaires de France, 1952. — 256 p.
3. Holstentor [Electronic source] // Wikipedia. — 2025. — URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Holstentor>. (accessed: 15.04.25)
4. Шавина В.В. Триумфальные арки в Париже и в Москве. / В.В. Шавина, Н.А. Щеглова, Е.В. Мартемьянова и др. // Юный ученый. — 2017. — № 5 (14). — С. 36–40.
5. Кияновский М.И. Русские военные памятники. / М.И. Кияновский. // Ставрографический сборник. Книга I; под ред. А. В. Святославский и А. А. Тронин — Москва: Древлехранилище, 2001. — С. 331–360.
6. Huyssen A. Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory / A. Huyssen. — Stanford: Stanford University Press, 2003. — 272 p.
7. Archer G. The Glorious Dead: Figurative Sculpture of British First World War Memorials / G. Archer. — Kirstead, Norfolk: Frontier Publishing, 2009. — 416 p.
8. Karge H. Praktiken und Politik der Erinnerung an den Zweiten Weltkrieg: Monumente und Rituale in Jugoslawien 1945–1991 / H. Karge. — Göttingen: V&R unipress, 2014. — 336 S.
9. United States Senate. Committee on the District of Columbia. 57th Cong., 1st sess. The improvement of the park system of the District of Columbia. I. Report of the Senate Committee on the District of Columbia. II. Report of the Park Commission. — Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1902. — 179 p.
10. Adamopoulou A. Monuments for World War II: Memory and Oblivion in the Balkans and Central-East Europe / A. Adamopoulou, A.M. Droumpouki. — Athens: National Hellenic Research Foundation, 2024. — 420 p.
11. Кириченко Е.И. Русский стиль: поиски выражения национальной самобытности / Е.И. Кириченко. — Москва: Индрик, 2020. — 560 с.
12. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. — Москва: Издательство политической литературы, 1982. — Т. 12. — 734 с.
13. Krauss R. Sculpture in the Expanded Field. / R. Krauss // The MIT Press. — 1979. — 8 (Spring, 1979). — P. 30–44.
14. Актуальные проблемы монументального искусства : сборник научных трудов / СПГХПА им. А. Л. Штиглица. — Санкт-Петербург : СПГХПА, 2021. — 312 с.
15. Imort M. Stumbling Blocks: A Decentralized Memorial to Holocaust Victims. / M. Imort. // Memorialization in Germany since 1945; edited by Niven B. Paver C. — London: Palgrave Macmillan, 2010. — P. 233–242.

16. Будущее нашего прошлого-7: историческая память и коммеморативные практики : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 26–27 ноября 2021 г.). — Москва : РГГУ, 2022. — 438 с.
17. Емельянов Е.П. Государственные практики персональной коммеморации в постсоветской России (по материалам указов Президента РФ) / Е.П. Емельянов // *Tempus et Memoria*. — 2021. — Т. 2. — № 3. — С. 36–54.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Mezhericzka S.I. Drevnegrecheskie nadgrobny'e rechi chastny'm liczam i ritoricheskiy kanon [Ancient Greek funeral speeches of individuals and rhetorical canons]. / S.I. Mezhericzka // *Indo-European linguistics and classical philology*. — 2012. — № 16. — P. 486–521. [in Russian]
2. Halbwachs M. Les cadres sociaux de la mémoire [The Social Frameworks of Memory] / M. Halbwachs. — Paris: Presses Universitaires de France, 1952. — 256 p. [in French]
3. Holstentor [Electronic source] // Wikipedia. — 2025. — URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Holstentor>. (accessed: 15.04.25)
4. Shavina V.V. Triumfal'ny'e arki v Parizhe i v Moskve [Triumphal arches in Paris and Moscow]. / V.V. Shavina, N.A. Shheglova, E.V. Martem'yanova et al. // *Young scientist*. — 2017. — № 5 (14). — P. 36–40. [in Russian]
5. Kiyanovskij M.I. Russkie voenny'e pamyatniki [Russian War Monuments]. / M.I. Kiyanovskij. // *Stavrographical Collection. Book I*; edited by A. V. Svyatoslavskij i A. A. Tronin — Moscow: Drevlexranilishhe, 2001. — P. 331–360. [in Russian]
6. Huyssen A. Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory / A. Huyssen. — Stanford: Stanford University Press, 2003. — 272 p.
7. Archer G. The Glorious Dead: Figurative Sculpture of British First World War Memorials / G. Archer. — Kirstead, Norfolk: Frontier Publishing, 2009. — 416 p.
8. Karge H. Praktiken und Politik der Erinnerung an den Zweiten Weltkrieg: Monumente und Rituale in Jugoslawien 1945–1991 [Practices and Politics of Remembering the Second World War: Monuments and Rituals in Yugoslavia 1945–1991] / H. Karge. — Göttingen: V&R unipress, 2014. — 336 p. [in German]
9. United States Senate. Committee on the District of Columbia. 57th Cong., 1st sess. The improvement of the park system of the District of Columbia. I. Report of the Senate Committee on the District of Columbia. II. Report of the Park Commission. — Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1902. — 179 p.
10. Adamopoulou A. Monuments for World War II: Memory and Oblivion in the Balkans and Central-East Europe / A. Adamopoulou, A.M. Droumpouki. — Athens: National Hellenic Research Foundation, 2024. — 420 p.
11. Kirichenko E.I. Russkij stil': poiski vy'razheniya nacional'noj samoby'tnosti [Russian Style: The Search for Expressing National Identity] / E.I. Kirichenko. — Moscow: Indrik, 2020. — 560 p. [in Russian]
12. Vladimir Il'ich Lenin. Biograficheskaya hronika [Vladimir Ilyich Lenin. Biographical Chronicle]. — Moscow: Political Literature Publishing House, 1982. — Vol. 12. — 734 p. [in Russian]
13. Krauss R. Sculpture in the Expanded Field. / R. Krauss // *The MIT Press*. — 1979. — 8 (Spring, 1979). — P. 30–44.
14. Aktual'nye problemy monumental'nogo iskusstva : sbornik nauchnyh trudov [Current Problems of Monumental Art: Collection of Scientific Papers] / St. Petersburg State Academy of Art and Design named after A. L. Stieglitz. — St. Petersburg: St. Petersburg State Academy of Art and Design, 2021. — 312 p. [in Russian]
15. Imort M. Stumbling Blocks: A Decentralized Memorial to Holocaust Victims. / M. Imort. // *Memorialization in Germany since 1945*; edited by Niven B. Paver C. — London: Palgrave Macmillan, 2010. — P. 233–242.
16. Budushchee nashego proshlogo-7: istoricheskaya pamyat' i kommemorativnye praktiki : materialy mezhdunar. науч. конф. (Moskva, 26–27 noyabrya 2021 g.) [The Future of Our Past-7: Historical Memory and Commemorative Practices: Proc. of the Intern. Scientific Conf. (Moscow, November 26–27, 2021)]. — Moscow: RSUH, 2022. — 438 p. [in Russian]
17. Yemelyanov Ye.P. Gosudarstvennie praktiki personalnoi kommemoratsii v postsovetskoi Rossii (po materialam ukazov Prezidenta RF) [State Practice of Personal Commemoration in Post-Soviet Russia (Based on the Decrees of the President of the Russian Federation)] / Ye.P. Yemelyanov // *Tempus et Memoria* [Tempus et Memoria]. — 2021. — Vol. 2. — № 3. — P. 36–54. [in Russian]